

18+

Елена Кордон
Прости меня, моя любовь

Чтение для нежесточенных сердец

Елена Кордон
Прости меня, моя
любовь. Чтение для
неожесточенных сердец
Серия «Чтение для
неожесточенных сердец», книга 7

<https://litres.ru/74153097>

ISBN 9785007017329

Аннотация

Родительская любовь — великая сила. Самая страшная трагедия — когда она становится разрушением, а родитель не умеет ее выразить иначе.

Книга о том, что грехи отцов — не метафора, а реальность. Когда одна ошибка отзывается эхом через десятилетия. А любовь может быть спасительной и разрушительной одновременно.

Истории эти рождались из обрывков чужих судеб, случайно услышанных признаний. Автор не стремился написать шедевр — он записывал жизнь.

Это первые рассказы в творческой деятельности автора.

Содержание

Прости меня, моя любовь	5
Аллея разбитых надежд	5
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Прости меня, моя любовь

Чтение для

неожесточенных сердец

Елена Кордон

© Елена Кордон, 2026

ISBN 978-5-0070-1732-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прости меня, моя любовь

Аллея разбитых надежд

Это случилось более двадцати пяти лет назад. В стране царил постперестроечный беспредел. А слово «курорт» у людей из СССР по-прежнему вызывало трепет и волнение, манило отпускной свободой, звало к приключениям и романам.

Моя знакомая, назовем ее Екатерина Михайловна, приехала в один из санаториев средней полосы по рекомендации. Там работал хороший мануальный терапевт. А проблемы с позвоночником преследовали Катеньку с детства. Трехнедельный курс лечения сулил решение проблем со здоровьем и приятное времяпровождение.

Курорт находился в лесу. А парк санатория таил в себе множество красивых местечек с лавочками и беседками, где можно было отдохнуть. Катерина любила побродить по аллеям или просто посидеть в беседке с книжкой в свободное от процедур время.

Санаторий вместил большое количество отдыхающих, и каждый искал укромный уголок в тени деревьев, чтобы послушать пение птиц или насладиться одиночеством. Катенька всегда заранее бежала к своему любимому месту, чтобы

занять лавочку под раскидистой липой. Благо теплое лето способствовало долгим прогулкам. И липа расточала волшебный аромат.

Однажды, пробираясь к своему любимому месту, она услышала, как ей показалось, знакомый голос. Мужчина практически кричал:

— Я не знаю, что ты себе вообразила. Я не обещал жениться. Этот ребенок мне не нужен. У меня свадьба через два месяца. Делай что хочешь...

Катя так и обомлела. На рыжеволосую девушку кричал ее жених Николай. Она не понимала происходящего. Ведь он обещал вечером навестить ее. А тут молоденькая девчонка. Рыдает и беременна от него. Нет, это происходит не с ней. Вдруг ветка хлестнула ее по плечу. Это Николай оттолкнул от себя Катину соперницу и побегал прочь. Катю вывели из оцепенения всхлипывания незнакомки за зарослями шиповника. Она вылезла из своего укрытия и подошла к плачущей.

— Извините, вы как тут? — Погладив девушку по плечу, спросила она, — я услышала плач и подошла, — соврала Катя.

Девушка посмотрела на нее полными слез глазами и, уткнувшись лицом в траву, снова заплакала.

— Что с Вами? Я могу Вам чем-то помочь? — не унималась Екатерина.

— Убейте меня, — прошептала собеседница.

Катя сама могла разрыдаться с минуты на минуту, ей хо-

телось сказать, что она та самая Екатерина, что ее тоже обманывают, но она промолчала. Девушка перестала плакать, встала и, покачиваясь, пошла к домику, где жили сотрудники санатория.

Приближаясь к гостинице, Катя издалека увидела Николая. Она не хотела к нему подходить, но было поздно. Нелзя было не заметить ее ярко-красного сарафана на фоне зеленого леса. Николай замахал букетом и побежал навстречу. Катя молчала.

— Как дела? Как отдых? Тебе нравится? Я ресторан уже заказал и оплатил, — не унимаясь, стрекотал он.

«Сказать или не сказать?» — стучало в висках у Кати. Помолчу пока. Катя улыбнулась и сказала:

— Все хорошо, мне все нравится. Спасибо, что устроил мой отдых. Спина болит поменьше, — ответила она.

Катя представляла, что сейчас из домика выйдет та девушка, кинется к ним, и все будет расстроено — все. И уже не знала, боится этого или хочет, чтобы так случилось.

— Спасибо, что приехал. Мне пора идти на ужин. Ты ведь ненадолго, правда? — спросила она.

— Да, мне, наверное, надо ехать, раз ужин у тебя, — пробормотал он и побледнел.

Катя увидела, как на тропинку по направлению к ним вышла та девушка, но уже в другом платье. Катя вспомнила: она работала в баре и, видимо, уже пошла к своему рабочему месту. Ну, вот сейчас все и выяснится. Еще мгновение. На

лице Николая застыла маска страха и растерянности. Незнакомка приближалась...

Девушка приближалась, а Катя думала: «Вот и все».

А ведь Кате почти тридцать, и она надеялась, что Николай — это ее шанс обрести семью. Возможно, больше не будет предложений «руки и сердца». К удивлению Николая, девушка прошла, не поднимая головы, мимо. У Кати, как и у Николая, на лице застыло недоумение. Катя отстранилась и, помахав рукой, пошла в столовую.

Весь ужин она просидела в забытьи. Ела нехотя, а позже решила зайти в бар. Валентина, так звали давешнюю знакомую, не обратила на нее внимания, двигалась по привычке, машинально выполняла свои обязанности. Катя немного посидела и поспешила в номер. Ей вдруг захотелось уехать отсюда поскорее.

Только торопиться было некуда. Несколько лет она отвечала за кассу горкома комсомола. После школы окончила химинститут и пришла работать на фабрику в отделочный цех. Там ее и продвинули по комсомольской линии, а папа — член партии с многолетним стажем — помог устроить «правильное» голосование, и не один раз.

Катенька была аккуратна и педантична в вопросах денег, особенно чужих. Казначей — она берегла казну, как зеницу ока. Коллеги за глаза звали ее «жадиной», но она не воспринимала их «выпады» и продолжала добросовестно исполнять обязанности.

Недавно их структуру ликвидировали. Для неё не нашлось места в комсомоле. Поэтому после отпуска нужно было искать новую работу. Она могла вернуться на фабрику, ее приглашали. Правда, на работу в цех. А могла пойти в психдиспансер к брату отца, что работал главным врачом в этом грустном заведении. Кате предложили должность секретаря. Ей не хотелось ни туда, ни туда, но надо было делать выбор.

Катя долго сидела на кровати, поджав ноги. Она не знала, сколько времени. Вдруг услышала на улице крики и вой сирены. Катерина вышла на балкон и увидела, как «скорая» подъехала к домику персонала. Сомнений не было, Валентина попыталась покончить жизнь самоубийством. Катя отчетливо видела, как в машину погрузили носилки с обездвиженной Валентиной.

Не зная, почему, Катюша заплакала, думая — жива девушка или нет. За полминуты сбежала вниз, но на улице уже никого не было. Только кастелянша баба Нюра заходила в корпус.

— Она жива, скажите... Прошу вас! — кинулась к ней Катя.

— Да, жива, горемыка. Лучше бы уже прибрал ее Господь, прости меня, Господи! — опасливо закрестилась баба Нюра.

Катя осела на ступеньки и схватилась за голову. А баба Нюра тем временем встала в растерянности.

— А ты-то что переживаешь так? У нее ведь нет родных, ты кто ей? — любопытствовала старушка.

— Я — никто, а она все же человек живой, и с ней, наверное, случилось горе? Просто так счеты с жизнью не сводят, — смущенно пробормотала Катя.

— Быстро новости разлетаются в этом приходе, — хмыкнула старушка и зашла в холл.

Катя села на лавку у входа в корпус. Сладко пахло липой и хотелось чаще и сильнее дышать в надежде, что приятный аромат вытеснит из памяти вечернее происшествие. Из катиних глаз струились слезы.

Баба Нюра вышла из дверей и присела рядом.

— Жаль ее, Вальку-то. А все мужики — кобели проклятые. Отдыхал тут один месяца, вроде, три назад. И так и этак ее обхаживал, она все не смотрела на него. А потом, уж не знаю как, стали под ручку по аллеям шароухаться. И в баре около нее сидел. Цветочки дарил. Да выпивку бесплатную клянчил. Эта дуреха и влюбилась. До этого много тут кого около нее крутилось, не сдавалась. А этот, не пойму, чем ее взял. Потом после отпуска приезжал раз в неделю, в её выходные увозил куда-то. Она возвращалась всегда радостная и с цветами. Замуж за него мечтала. Он и сегодня был. Только, говорят, цветочки не ей дарил. Другой, из курортниц, тоже, видать, попалась тетёха.

— Да, попалась, — задумчиво сказала Катя. — Ещё как попалась!

Старушка грозно на неё глянула и не менее грозно спро-

сила:

— К тебе, что ль, кавалер-то был?

Катя молча кивнула и в голос зарыдала.

— Так что ревёшь-то? Он, похоже, тебя выбрал, — утвердительно сказала баба Нюра.

— А жить как с этим? Надо ли мне это, зная с ним жить? Только мне уже тридцать. Семью, детишек хочется. Детишек — главное, Бог с ним, с мужем-то. Ай, да ладно, — не унимаясь, редела Катя. Женщина погладила её по руке и заметила:

— Валя вон вены порезала. Ей теперь, как самоубийце, один путь — в психушку. Вся жизнь наперекосяк с самого детства, оклемается ли? А ты сопли подбери. Коли гордость есть в тебе, дай отпор этому Иуде. Детишек Господь даст тебе, если посчитает достойной! — Женщина задумалась и собралась уходить, но Катя схватила её за руку и стала уговаривать рассказать Валину историю.

Баба Нюра не стала рассказывать Кате всё и сейчас. Она пожаловалась, что устала, и если ей интересно, можно прийти завтра после обеда. У неё как раз свободное время будет.

Весь день Катерина провела как на иголках. Она думала про Валью, жалела её.

В назначенное время Катюша пришла в домик персонала и постучала. Ответа не последовало, Катя толкнула дверь и вошла внутрь. В комнате громко звучал телевизор, старушки не было. Гостья покричала и снова вышла на улицу. Она

примостилась на крылечке и представила Валентину на койке в психушке, привязанную к кровати.

Скрипнула половица, и баба Нюра произнесла:

— Ну, заходи, что ли, я чаёк заваривала. Услышала, как дверь хлопнула.

Катя вошла и застыла: в доме была звенящая тишина. Телевизор отключён.

— Садись, чай пить будем да разговаривать.

— Расскажите про Валю, — попросила Катя.

— Да, ты ведь не знаешь. Валька с пяти лет сирота. А её родители вот на моих глазах поженились.

Это был красивый роман. Настоящий, как в книжках. Слушай.

Много лет назад мать её Галина работала здесь медсестрой, а в пяти километрах отсюда студенческий стройотряд ремонтировал пионерский лагерь.

Армен сразу обратил на Галю внимание, когда их бригада строила здесь детский городок. А Галка — гордячка страшная. Не смотрела ни на кого. Красивая была. Ребята не раз приходили к нам на танцы в санаторий. Армен приглашал Галю танцевать, а она смущалась, краснела и убегала.

Кавалер не сдавался, каждый день приходил и приносил ей цветы, конфеты в коробках. По тем временам — страшный дефицит. Галка улыбалась, брала цветы, а потом плакала. Отец с матерью у неё строгие, она боялась — не одобрят. А сама влюбилась. Я в то время старшей медсестрой рабо-

тала тут же. Всё видела, и Галина делилась со мной своими страданиями.

Пришло время стройотряду уезжать. Армен приехал проститься, и Галя пошла с ним вон по той тропинке к бане. Я смотрела им вслед, потом они вернулись. Армен что-то горячо доказывал ей. Тревожно мне стало, не понимала я почему. Предчувствие плохое было.

Через час Галка прибежала заплаканная, а Армен с друзьями уехал. А часа через три приехал разъяренный отец Гали. Орал как ненормальный, обзывал ее, видимо, «настучал» кто-то на дочку. Она рыдала и говорить не могла. Отец дал ей пощечину и, уходя, крикнул: «Согласишься — прокляну».

Потом Галка вздохнула в «сестринской» ревела, а я ее успокаивала.

Потянулись долгие недели тоски и печали. Галка страдала, ждала письма, звонка, весточки от Армена. Но тишина. Исхудавшая Галя была сама на себя не похожа. На исходе третьего месяца перед Новым годом Армен на белой «Волге» приехал в санаторий. А Галя должна была подойти на смену.

Он стоял на входе с букетом красных роз. Чтобы такой купить, денег надо немерено.

Галка вышла из автобуса и, глядя вниз, пошла ко входу. Она не заметила его. А он в отчаянье кинулся ей под ноги и закричал:

— Галина, дорогая, я люблю тебя. Выходи за меня!

Галка опешила, люди вокруг остолбенели. А он, не подни-

маясь, целовал ее холодные руки. Вид Галины поразил жениха. Грустная, исхудавшая, она потрясла его своей худобой и растерянностью. Немного погодя он нетерпеливо спросил: — Почему ты не отвечала на мои письма? Почему молчала?

— Я не получила ни одного письма, — ответила Галя.

— Как так, я писал на санаторий. Писал каждый день, писал каждую ночь, звонил. Но тебя не звали.

— Мне не передавали, — прошептала Галя, — ну ладно! Я пойду работать, приезжай завтра после смены. Поговорим!

Весь день Галка грустно улыбалась, а я думала — куда девались письма Армена.

Почта поступала в кабинет секретаря санатория, а директором санатория был старый школьный друг отца Галины. Разве что Галин отец озадачил друга присматривать. «Надо бы узнать», — подумала я. Но прояснилось само собой.

В «сестринскую» примчалась секретарша Леночка. Она вцепилась в Галку и закричала:

— Ты, ты во всем виновата. Ты отняла его у меня. Ты, ты, ты! — кричала и трясла Галку Леночка.

— Я не виновата, — шевелила губами Галя.

— Это я заботилась о нем, когда он сломал ногу. Я ни в чем ему не отказывала, а цветы тебе, замуж тебя зовут! — Ленка билась в истерике. А Галка мотала головой и нервно всхлипывала. Я не знала, что делать.

Вдруг в холл вбежал Армен и швырнул Ленку к стене с

воплем:

— Оставь ее, оставь, шлюха!

Ленка молча, шатаясь, вышла из «сестринской». А Галя отправилась на рабочее место. Я погладила Армена по плечу и попросила покинуть помещение.

Смена прошла как-то незаметно. Галя работала, вид у нее был задумчивый. Но прежней тоски в глазах не было.

Ленка не выходила из секретариата, а в конце рабочего дня тихо улизнула.

Отец у Гали был непростой человек. В нашем городе он руководил городским отделением милиции. С армии состоял в партии. В городе его уважали и побаивались. Кроме Гали у него была еще младшая дочь Вероника. Мама Гали всю жизнь проработала воспитателем в детском саду. Тихая, незаметная — она была любима воспитанниками и их родителями. Игорь Сергеевич любил жену, а девочек воспитывал в строгости. Поэтому, дожив до двадцати пяти лет, Галина ни разу ни с кем не встречалась.

Пришла пора Галке со смены домой возвращаться. Конечно, она ждала Армена. Но встречать ее приехал не только он. На милицейском УАЗике прикатил и папаша. Галя вышла из корпуса и застыла. Оба мужчины шли по направлению к ней.

Отец грубо кричал на Армена, чтобы тот оставил его дочь в покое. Парень сначала молчал, а потом схватил Галку за руку и стал вырывать у отца. Говорил, что любит ее и делает счастливой. Молил родителя разрешить им поженить-

ся. Игорь Сергеевич, не стесняясь в выражениях, оскорблял его и весь род «до пятого колена». Ответа на ругательства не было. «Горячая кровь» молодого человека не взяла верх над благоразумием. Видимо, Армен понимал, что отец от бессилия себя так ведет и девушка любит его. Закончилось все арестом. Несколько суток Армен провел в милиции. Галка — запертая дома в своей комнате. За парнем приехал старший брат. Он в Москве работал, считался хорошим хирургом и уважаемым человеком. Много лет назад он женился на русской девушке, тогда в его семье было уже трое ребятишек. Но пример счастливой семьи брата Армена не убедил Игоря Сергеевича.

Договорились, что братья уедут и Армен забудет дорогу к Гале.

Галка же наглоталась таблеток и ночью на «скорой» была доставлена в городскую больницу. Спасли ее чудом. Все Вероника — младшая сестра. Страстная любительница чтения, ночью пробралась в комнату сестры за книгой и увидела на полу пузырек от таблеток. Нагнулась поднять и заметила, что сестра как-то странно дышит или не дышит. Галка хотела просто уснуть и не проснуться.

За две недели в больнице Галя немного пришла в себя, но разговаривать с отцом не хотела. На вопросы навещающих ее отвечала односложно: «да», «нет».

Игорь Сергеевич приходил часто. Подолгу сидел у ее кровати и уговаривал забыть Армена.

А однажды пришел и сообщил, что есть предложение — познакомить ее с хорошим парнем, у которого есть перспектива карьерного роста и семья со связями. Галя терпеливо выслушала и отвернулась к стене, ей невыносимо было видеть отца. Она задумала повторить попытку суицида. Игорь Сергеевич попросил подумать и просто познакомиться с претендентом. Но, так и не услышав внятного ответа, ушел.

Вечером с букетом цветов пришла Лена. Галка испугалась, увидев соперницу. Но Ленка протянула цветы и загадочно сказала:

— Это тебе просили передать. Надо же, цветы зимой. Не многие могут себе это позволить.

Галя по-прежнему изумленно смотрела на Ленку, не понимая, что она тут делает.

Ленка покаялась и передала Гале пачку нераспечатанных писем от Армена.

Неожиданно Галя вспомнила, когда осенью Армен уезжал и они прощались на дорожке в санатории, он рассказал ей, что встречался с местной девушкой, но так — ничего серьезного. Галя и представить не могла, как близко к ней была та девушка.

— Зачем ты пришла? — спросила Галка.

Елена рассказала, что к Гале никого не пускают, кроме родственников. Армен привез цветы и, под видом того, что хочет попросить прощения за скандал, велел тебе передать.

Галя озадачилась, почему Лена помогает ей. Гостья прочитала вопрос во взгляде и сказала:

— Ну, со мной-то он точно не будет, а я хочу для него счастья. Ты прости меня, я его любила очень сильно, замуж за него хотела, планы строила. — Ленка расплакалась. Потом встала и ушла, ничего не сказав.

Галя открыла первое письмо и начала читать. Последнее письмо она прочитала уже утром. Это был ее роман в письмах. Каждое письмо таило любовь, согревало теплом и дарило надежду. Она так боялась, что письма закончатся и ей придется вновь вернуться в этот враждебный мир. Заботливая медсестра поставила вечером цветы в вазу. Галя любовалась ими и плакала. Одно из писем упало, и девушка поднялась с постели, чтобы достать его. Вдруг у стола, рядом с домашними тапками, она увидела клочок бумаги. Развернула листок и прочла:

«Завтра в шесть вечера буду ждать у дальнего входа в больничный парк. Если любишь меня, выходи. Ничего не бери, все необходимое для тебя есть. Обещаю, по приезде в Москву мы распишемся. Армен».

Галя села на кровать.

Вот он, момент, когда надо принимать решение. Но кто принес записку? Лена или медсестра подкинула? Можно ли ей верить?

Галя думала, что это сон. Сейчас загремит в коридоре ведром санитарка, и она проснется.

В палату вошла та же медсестра. Вид у нее был спокойный. Получив свой укол и спрятав письма под подушку, Галка уснула. Первый раз за долгие недели — крепко и счастливо.

Галя в тот день спала недолго. Она проснулась бодрой и веселой, а после процедур попросила у санитарки все необходимое для прогулки. Женщина удивилась, но одежду выдала, сперва куда-то позвонив.

Галя обошла весь парк и заметила дверь, за которой ее вечером должен был ждать Армен. Тропинки к ней не было, непонятно, как она могла бы ее открыть. Все было завалено снегом.

Подходить сейчас она не стала, подумала, что придумается что-то по ходу. Румяная от легкого морозца и довольная, Галка вернулась в палату. Время совсем не торопилось, в отличие от нее. Галя не заметила, как уснула.

От отца не укрылся визит Лены. А еще больше его удивило и порадовало, что дочка вышла погулять. Ему доложили перед тем, как выдать Гале одежду. Все время за ней наблюдал больничный дворник Егорыч.

Галя проснулась от скрипа двери в палате. Это отец по обыкновению решил ее навестить. Как только он поздоровался и сел рядом с кроватью, Галкин взгляд упал на часы. Они показывали начало шестого. «Успею!» — подумала Галя и стала рассказывать отцу про прогулку. Игорь Сергеевич не узнавал вечно грустящую дочь. Он давно не видел, как

блестят ее глаза и сияет улыбка.

Галка нервно поглядывала на отцовские часы, а он все рассказывал про Вероникины успехи в школе и на танцах. Примерно без десяти шесть Игорь Сергеевич засобирался, и Галка вздохнула с облегчением.

Минут через пять после ухода отца Галя выбежала в парк и устремилась к заветной калитке. Взобравшись по сугробам на забор, она посмотрела на дорогу — там было пусто. Ни человека, ни машины. Галка прождала с час. Тщетно.

Рыдая, она вернулась в палату. Вытащила из тумбочки записку и прочитала еще раз. Все верно, она ничего не перепутала. Ей захотелось есть, ужин она пропустила. Ее кололо от холода, зубы стучали. Галя вспомнила, что в уголке у санитарок есть титан и можно сходить налить кипятка. Разум отказывался верить, что Армен ее обманул. Или записку написал не он. Может, это Лена зло подшутила над ней. Не сходилась что-то, а что?

В углу у титана сидела санитарка Марья Ивановна. Галя поздоровалась и попросила налить горяченького. Женцина налила кипяток, кинула туда щепотку чайной заварки и предложила девушке посидеть и погреться у большой емкости с кипятком. Галя послушно села и протянула руки к горячему металлу. Ожог она почувствовала не сразу, но это ощущение на мгновение перекрыло внутреннюю боль души и сердца. Галя убрала руку, сердобольная санитарка захлопотала вокруг нее и все дула на обожженные Галины ладоши.

— Ты не горюй, девка, все образуется, Боженька все сложит так, как надо. И ничего не сделает как не надо. Ну, что смотришь на меня? Я не партийная, зато крещенная. Войну прошла, и Господь меня не раз выручал, а вот партия, наоборот, топила. Мне не страшно говорить, я на пенсии и жить мне осталось самую малость. Работаю, чтобы дома одной не тухнуть, — тараторила Марья Ивановна.

Галя заметила, как старушка вынула из кармана небольшую бутылочку и что-то добавила в чай.

— На, согрейся. Это спирт, — Марья Ивановна протянула красивую чашечку с цветочками и заговорщически подмигнула.

Галя медленно пила чай со спиртом и ела вкуснейшее сливовое варенье. Тепло медленно растекалось по телу. Она чувствовала, как сползает по стулу, и возвращаться в исходное положение не хотелось.

— Тебя у парковой ограды машина ждала почти до семи? Больше часа! — неожиданно спросила Марья Ивановна.

Галка кивнула, но легче не стало. Она не понимала, почему ничего не получилось, раз ее ждали.

— А вы откуда знаете? — несмело спросила Галя.

— Да я мимо, в ночную шла. Это Волга. Номера у нее не местные. А к тебе, я видела, отец пришел, а потом ты опоздала, — вздохнув, ответила женщина.

Галка радовалась, что Армен не обманул, но вот почему она опоздала, понять так и не смогла. Уставшая девушка по-

благодарила Марью Ивановну за чай и направилась в палату. Вслед она услышала:

— Не горюй, он еще сделает попытку, вот увидишь...

С утра пришел доктор и сообщил, что ее выписывают, и после обеда приедет отец, чтоб отвезти домой. Галка чувствовала, что отец что-то знает и хочет забрать ее, запереть дома.

Так и вышло после «больничного», Гале оформили отпуск. Она стала жить дома. Галка перечитала все книги, убралась во всех углах. Часто помогала Веронике с уроками.

Как-то вечером в калитку постучали, отец открыл дверь. На пороге стояла Марья Ивановна. Галка оттолкнула отца и принялась обнимать старушку.

— На, вот. Забыла: чашка твоя и носки теплые шерстяные. Я все стеснялась зайти, неудобно. Но знать, кому принадлежат «потеряшки», и не вернуть — вдвойне грех, — бабулька протянула матерчатую сумку с чашкой и незнакомыми носками. — Попрощалась и пошла.

Отец быстро потерял интерес к происходящему и ушел. А Галя, вынув носки, поняла, что внутри что-то лежит.

Сердце готово было вырваться из груди. Но Галина спокойно помыла и убрала чашку, а затем направилась в свою комнату, чтобы посмотреть содержимое носка.

Когда Галка вынула коробочку, она не смогла сдержать слез. В таких обычно дарили кольца. Ожидания не обманули. Тоненькое колечко с гравировкой внутри: «Г+А=сердеч-

ко». Слезы душили ее.

— Красивое, — сказала Вероника.

Галка испугалась и спрятала подарок в карман.

— Не бойся, я не скажу никому. Я даже тебе немного завидую. Как в романе, — мечтательно протянула сестра. — Ты посмотри, может, там записка есть, — встревоженно сказала сестра.

Точно, на дне коробочки затерялся небольшой клочок бумаги.

«Завтра, в 10 вечера выходи. Буду ждать в правом прогоне у колодца. Лишнего не бери, все есть»

Галка обессиленно рухнула на кровать.

— Как же мне из дома-то выйти, какой предлог найти? — тихо спросила она.

— Так чего искать-то? Маманя с папаней завтра к Семеновым на «серебряную» свадьбу идут, раньше одиннадцати не вернуться, — смекнула Вероника. — Ты, значит, решилась? — несмело поинтересовалась девочка.

— Вероника, я его люблю так, что жизнь без него не мила. Не жить мне без него, не жить... — загадочно прошептала Галя.

Весь следующий день прошел в тревоге. Галя собрала небольшую спортивную сумку, Вероника заботливо положила туда паспорт сестры. В назначенный час, крепко обняв Веронику напоследок, Галка направилась навстречу своей судьбе.

У колодца никого не было. Неожиданно с другой улицы выехали «Жигули». Машина со скрипом затормозила возле Гали, дверь открыл Армен. Девушка словно окаменела. Нет, у нее не было сомнений, она хотела всю жизнь прожить рядом с ним, но эмоции сковали руки и ноги. Ей не верилось, что все сбылось.

Вероника перед приходом родителей легла спать и погасила свет. Пропажу Галки обнаружили только утром. Вероника пожимала плечами и говорила, что не слышала, когда ушла сестра. Отец объявил дочь в розыск.

А через три дня к ним в дом пожаловали родственники Армена: дядя, брат и друг отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.